

МИЛОРАД
ПАВИЧ

СЕМЬ
СМЕРТНЫХ
ГРЕХОВ

Милорад Павич

Семь смертных грехов

«РИПОЛ Классик»

2005

УДК 82/89
ББК 84(4С)

Павич М.

Семь смертных грехов / М. Павич — «РИПОЛ Классик», 2005

ISBN 978-5-521-00461-4

Составленную из нескольких новелл книгу «Семь смертных грехов» Милорад Павич (1929–2009) считал неделимым романом. Словно в волшебном зеркале с дыркой, здесь отразился дантовский «Ад», причудливый бестиарий Босха и таинственные персонажи самого писателя.

УДК 82/89
ББК 84(4С)

ISBN 978-5-521-00461-4

© Павич М., 2005
© РИПОЛ Классик, 2005

Содержание

Как Иероним Босх изобразил семь смертных грехов	6
Любовное послание с острова Лесбос	7
Волшебный источник	14
I. Паваротти	15
Верди. Риголетто	16
Знаменитые телевизионные концерты трех теноров в Риме (1990) и Лос-Анджелесе (1994)	16
Тонио и верхнее до	17
II. Бачка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Милорад Павич

Семь смертных грехов

© Павич М., 2002, 2005

© Савельева Л. А., перевод на русский язык, 2004, 2010

© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

* * *

Это ты? Входишь без стука и не здороваешься, а я ведь на полвека старше тебя. Но раз ты уже здесь, раз уж присел на стул, я тебе кое-что предложу. Посмотри в словаре, что значит слово *калем*...

Нет под рукой словаря? Я тебе помогу. У этого слова как минимум три значения:

1. Деревянная (или из какого-нибудь другого материала) катушка или шпулька, на которую наматывают нитки.
2. Веточка фруктового дерева, которую садовник прививает к дичку, чтобы его облагородить.
3. Перьевая ручка из надрезанной и заостренной на конце тростинки (последнее значение заимствовано из греческого).

Ну а теперь и я расскажу тебе кое-что об этом слове. Так же как в каждом клубке шерсти, намотанной на *калем*, сокрыта по меньшей мере одна пара варежек, а в *калеме* садовника – будущее яблоко, в *калеме*, который служит инструментом для письма, всегда припрятана какая-то ненаписанная история. Но такие плоды далеко не всякий раз рождаются на свет божий из своих *калемов*. Вот, например, ручка, которой я пишу эти строки, долго стояла в стакане из обожженной глины, и кроме цифр из нее никогда ничего не появлялось... Вплоть до одного вечера, когда я взялся за нее, чтобы записать пару фраз на книге, которую читал, лежа в кровати. И тут из ручки вытекло нечто такое, что меня испугало, – имя: Иероним Босх. И не только имя. За ним последовала и коротенькая история:

Как Иероним Босх изобразил семь смертных грехов

Писатель всегда покупает сережку безухому. Торгует мыслями. Художник же хочет эти мысли увидеть. А человеческие мысли никогда не стоят на месте. Каких только мыслей нет, и кто знает, чьи они, зачем они, чьими они не были и чьими не будут, но приходится их терпеть. Есть мысли быстрые и необузданные, как табун лошадей, есть блудливые и кровожадные, как собачья свора. Одни медленные и злопамятные, словно стадо слонов, другие ненасытные и прожорливые, будто свиньи в загоне, а бывают и завистливые, как обезьяны. А уж сновидения! Там собрались все задние мысли, которые промелькнули в твоей голове наяву и поспешили удрать, словно стайка сребролюбивых сорок или рыб. Их теперь не собрать под одной шапкой, в одной голове. И вот уж бредут по берегу новые мысли, ленивые, как стадо буйволов... Словом, все семь смертных грехов роятся у людей в головах и ждут своего часа...

Но иногда, правда очень редко, случается и иначе. Покажется вдруг из чащи, как волшебный единорог, одинокая и чудесная мысль, взглянет на тебя и сразу забудет, а ты ее потом помнишь до скончания века.

Из одной такой мысли и родилась у Босха картина о семи смертных грехах. А мысль была грустной и истинной. Вот она:

Никто не смеется в моих снах.

Эта книга следует за мыслью Босха и за его картиной.

Любовное послание с острова Лесбос

Действие происходит в белградском театре «Джумрукана», что на берегу Савы, и на соседней вилле

Список семи смертных грехов открывает ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ. Данте помещает блудников и блудниц во второй круг «Ада», где он встретил знаменитых любовников Паоло и Франческу. Впрочем, сластолюбцы блуждают и по его «Чистилищу». Иероним Босх представляет люботрастников в виде собачьей своры.

А Шагал для изображения семи смертных грехов использовал символ астрологической руки с семью пальцами, каждый из которых соответствует одной из планет и одному из грехов. Следует уточнить, что Шагал берет для этой цели левую руку. У него, на этой астрологической руке, похоть символизирует большой палец, который, согласно древним верованиям, соотносится с Луной, одной из семи планет.

– Я знаю, Георгина, сегодня вечером ты пойдешь вовсе не в театр, как наврала маме и папе. Ты пойдешь заниматься любовью. Расскажи мне, на что это похоже с мужчинами?

– Не знаю.

– Опять врешь! А это правда, что у них между ног растет мох и из него фиолетовый гриб? И что женщины, когда хотят их любить, должны этот гриб съесть?

– Да замолчи же! Ты, Анджеля, еще малявка и о таких вещах не имеешь никакого понятия. И ты, и эти сопляки, с которыми ты после уроков ходишь пить чай. Не удивлюсь, если они думают, что у тебя между ног растут перья. Что с них взять. И вообще, если хочешь знать, для этого дела нужны вовсе не мужчины.

– А что?

– Вот что. – Георгина раскрыла свою шелковую вечернюю сумочку в виде чайника и достала из нее мужской член из розоватого каучука. Помахала им под носом у сестры и прошептала: – Этим пестиком я уже два раза лишила себя невинности... Его зовут Петкутин. После него немножко шла кровь, но зато было так сладко! Я и опять собираюсь... Но ты в этих делах не разбираешься, поэтому лучше просто зашнуруй мне корсет. Опаздываю...

Так болтали сестры Шербан, одной из них было восемь лет, а второй пятнадцать, ее-то и полагалось отвести в театр служанке Домазете, подождать в фойе, когда закончится представление, и после доставить домой, ведь Георгина была барышней весьма знатной.

По пути в театр служанка обратилась к хозяйке:

– Могу ли я, мадемуазель Георгина, кое-что у вас спросить?

– Почему-то сегодня вечером все что-то спрашивают. А я терпеть не могу вопросов... Спрашивай, только поскорее.

– Что происходит там, внутри, в театре, пока я жду вас?

Домазета была двадцатилетней девкой с быстрыми глазами, ленивой грудью и черными волосами, завязанными узлом, в который она для украшения втыкала длинную конфету в муаровом фантике.

– Ты что, никогда не была в театре, Домазета, ну, я имею в виду, ни разу не смотрела никакого спектакля?

– Не была и не смотрела, поэтому и спрашиваю.

– Э-э, театр – это такой дом, в котором каждый вечер умирает один и тот же артист. Иногда он может умереть раз сто.

– Не-ет, мадемуазель Георгина, вы меня обманываете. Такого быть не может!

– Может, потому что и сам театр каждый вечер умирает, причем уже тысячи лет...

Здесь самое время заметить, что мадемуазель Георгина действительно иногда обманывала. Но не служанку Домазету, а свою сестру. Дело в том, что в тот вечер она вовсе не собиралась заниматься любовью, а просто надеялась кое с кем встретиться. У молодого господина, который сидел рядом с ней во время представления, были прекрасные темные волосы, настолько мокрые от пота, что в них можно было разглядеть след гребня из козьего рога, которым он недавно причесался. Георгина видела его не впервые, хотя до сих пор не обменялась с ним ни единым словом. Прежде чем погас свет, он через пот улыбнулся Георгине и протянул ей программку спектакля, которую она забыла купить при входе в зрительный зал. Георгина поблагодарила его и сказала:

- Я заметила, что в театре вы всегда сидите рядом со мной. Как так получается?
- Очень просто. Мой камердинер ждет возле кассы, когда появится ваша служанка, и покупает билет сразу после нее, то есть всегда рядом с вами.
- Ясно. Но зачем?
- Мне нравится именно это место в партере.
- Если оно вам нравится, почему вы тогда потеете? Вы всегда потеете?
- Нет, вообще никогда. Я потею только в театре.
- Неужели артисты так на вас действуют?
- Не артисты.
- А кто же? Артистки?
- Это вы так действуете на меня. Кстати говоря, это вовсе не пот. Это моя сперма, которая проступает из всех пор, когда я нахожусь рядом с вами.
- Что это такое, сперма?
- Вы не знаете, что такое сперма? Возможно ли?
- Впервые слышу это слово. Звучит как латинское название какой-нибудь болезни.
- Это слово греческое, а не латинское.
- Откуда вы столько всего знаете?
- Я изучаю версификацию.
- Опять вы говорите загадками. Как это переводится с латыни?
- Версификация – это наука о стихосложении.
- Вот как? Звучит учено и очень сложно. Вы хороший специалист в этой вашей области?
- Довольно хороший. Найти лучшего вам будет трудно. Я могу без особого труда объяснить вам все насчет спермы. Но не здесь... Здесь слишкомлюдно...

В этот момент поднялся занавес, и на сцене возникла набережная со стоявшими вдоль моря скамейками.

* * *

После первого действия, когда занавес опустился, зал наполнился гулом голосов и начал медленно зажигаться свет, молодой человек, по-прежнему весь в поту, прошептал Георгине:

- У меня есть предложение. Сейчас начнется антракт. Я живу в особняке напротив театра. В том самом, что в саду, окруженном оградой из металлических копий. Там же и небольшая церковка. Наверняка вы ее заметили, когда шли сюда.
- Да.
- Пойдемте ко мне, выпьем шампанского с инжиром, и я вам все объясню насчет спермы.
- Не могу.
- Почему?
- В фойе ждет служанка, которая должна доставить меня домой. Та самая, которую знает ваш камердинер, как вы сказали.

– Но мы вернемся в театр до начала пятого действия, и после спектакля вы отправитесь домой вместе со служанкой, так же как и прибыли сюда. Она ничего не заметит, потому что мы прокрадемся через вход для артистов, а потом, как я уже говорил, перед началом последнего действия той же дорогой вернемся назад, в театр, и снова займем свои места.

– Все равно не могу.

– Но почему же?

– Я не замужем.

– Как это связано с моим предложением?

– Именно что связано и именно с вашим предложением. Нас не соединяют узы брака. Если бы вы были моим мужем, я бы пошла к вам домой, а иначе не могу. Так считает моя мама.

– А собираетесь ли вы выйти замуж за кого-нибудь другого?

– Нет.

– Ну и прекрасно, тогда нет никаких препятствий. В нашем имении есть священник, он откроет церковь и, прежде чем вы войдете в мой дом, обвенчает нас, так же как обвенчал в свое время моих родителей и мою бабу.

– И все это до начала пятого действия?

– Да. Мы все успеем. Умоляю вас, пойдете!

* * *

Снаружи тишина покрывала все как туман. Она покрывала землю слоем толщиной в полметра. Когда они вошли в парк, окружавший особняк, то увидели пруд, который лежал, как оброненное в траву зеркало, и в нем отражалась луна. Пруд был зелен. И напоминал утопленника. В нем, как дырочка на зеркале, темнел крохотный островок. Над берегом стоял дом приходского священника.

– Отец Григорий, надеюсь, вы еще не легли! Откройте, у меня хорошая новость, сейчас будет венчание! Отец Григорий, откройте, если вы не спите! А если спите, то просыпайтесь!

Георгина, слушая эти слова, с изумлением обнаружила, что язык хозяина прекрасного имения весь в дырочках, словно кусок швейцарского сыра. Когда ему не хватало какого-нибудь слова, молодой господин Кантемир, так его звали, без колебаний латал пустоту соответствующим французским словом. Его речь напоминала английское лоскутное одеяло на шелковой французской подкладке, которая проглядывает через прорехи. Правда, Георгине пришлось прекратить свои наблюдения, потому что события начали развиваться с головокружительной быстротой. На помощь своему хозяину и работодателю поспешили не только отец Григорий, но и старая кухарка Милина и камердинер Теодор, молодец внушительного телосложения, так что венчание совершилось по всем правилам; их записали в церковные книги и, заперев церковь на замок, отвели в особняк, где в камине потрескивали дрова и стоял стол, накрытый на одну персону: кроме молодого господина Кантемира в доме никто не жил. Быстро принесли еще один прибор для молодой жены, и тут же на столе появился обещанный инжир и пенистое вино. На полке под одной из картин с обезьянами, возносящими молитвы богу солнца Ра, стоял граммофон с золотым раструбом, а рядом лежала гора пластинок с изображением собаки, прислушивающейся к голосу хозяина. Они пошли танцевать фокстрот. А под звуки квикстепа Кантемир поцеловал Георгину. Она почувствовала во рту его огромный дырчатый язык с привкусом сливы. Тогда Георгина остановилась, посмотрела ему прямо в глаза и решительно заявила:

– Я должна тебе кое-что сообщить.

– Слушаю.

– Я думаю, что не вполне невинна.

– Что значит – думаю? Разве ты не знаешь, невинна ты или нет?

– Не знаю, – ответила она и, схватив свою шелковую сумочку, достала из нее мужской член из розоватого каучука.

– Я предполагаю, что отчасти лишила себя невинности вот этим.

– Господи, Георгина, где ты нашла эдакую невидаль?

– Никакая это не невидаль. Его зовут Петкутин, и я его украла. У меня есть тетка Исидора, она настоящая красавица, я обожаю рыться в ее вещах и перебирать флакончики с жидкостями, которые делают ее еще красивее. Член я нашла в ящике с ее нижним бельем...

– И ты теперь носишь его даже в театр?

– Да. Всякий раз, когда на сцене происходит что-нибудь волнующее, я незаметно сжимаю его рукой...

После этих слов Кантемир расхохотался, обнял Георгину и принялся раздевать ее, приговаривая:

– Ни о чем не беспокойся, куколка моя, мы все уладим в два счета.

Тут он достал из ее сумочки губную помаду и покрасил ей губы, а потом соски на груди.

– Так, теперь у тебя дивные красные глаза, похожие на две оспины, – заметил он, а она распустила свои длинные волосы, и в плаще из этих волос он повалил ее на постель...

* * *

– Удивительно, все это, оказывается, происходит в мгновение ока, как какой-то взрыв, – заметила немного позже Георгина. – Готова поспорить, что смерть длится дольше!

Они лежали на спине, уставившись в потолок.

– Одна императрица, не знаю точно, какая именно, говорила, что самый прекрасный вид открывается на потолок. Согласна, но только пока занимаешься любовью. А потом этот вид становится печальным, даже если, как в твоём доме, на потолке изображены птицы и цветы, словно это курятник... Теперь мы с тобой молодожены, не так ли?

– Да.

– Я видела столько пар, которые совершают ошибку за ошибкой. Одну глупее другой. А как нам избежать глупостей в браке?

На эти слова Кантемир ответил:

– Просто постоянно имей в виду, что я, твой муж, не виноват в том, что ты женщина. И все будет в порядке...

Георгина не услышала его слов, потому что в этот момент тонула в сон...

Проснувшись она первой, так же как первой и заснула. Лежала и смотрела на него, огромного, прекрасного, нагого. Пока он спал, его полудреmlющие пальцы ползали по его телу с каким-то древним, насчитывающим вот уже несколько тысячелетий, проворством. В полусне он теребил свои волосы и обгрызенными ногтями почесывал и скреб мозоли, родинки и утолщения кожи во власти какого-то атавистического инстинктивного порыва прамужчины, который во сне становится гораздо ближе к животному, чем к женщине... Вокруг его члена, у самого корня, виднелось красное кольцо. Георгина так и не поняла, что это – ее губная помада или кровь.

– Кантемир, Кантемир! Мы опоздаем в театр! Наверняка пятое действие уже кончилось!

– Ни в коем случае, – сказал он, пробуждаясь, – сейчас только началось третье...

Он окончательно проснулся, вернулся из праистории в настоящее и распорядился накрыть на стол. Когда их пригласили обедать и подали первое блюдо, Георгина безошибочно угадала его состав и дальше, до конца трапезы, с детской радостью перечисляла и остальные компоненты:

– Три яйца, одно из них перепелиное... петрушка, говядина... жар горячей виноградной лозы... вода, морская... Бесподобно... Угадай, что мне приснилось?

– Когда?

– Только что... Я быстро погружаюсь в сны. Мне снилось, что я никак не могу выйти замуж и что у меня нет поклонника. А смотри-ка, вот я и замужем, и ты у меня есть. Кто же во мне видел этот сон?

– А ты подумай! Или тебе снятся твои вчерашние сны, или ты с кем-то поменялась. Если вспомнишь, кто бы это мог быть, достаточно позвонить ему по телефону, и – оп! – все вернется в норму.

Георгина встала из-за стола, вышла в холл, где стояло женское седло, рядом с которым висел телефон. Трубка была из зеленого камня, всегда холодного. Она уселась в седло, набрала номер и сказала в трубку:

– Слушай меня внимательно, сестричка. Я видела во сне ту самую чайную, в которую никогда не хожу и где ты вечно болтаешься со своей школьной компанией. Во сне я прочитала на вывеске, что она называется «Голубой дым». Я там не была ни разу, а ты была. Следовательно, и само заведение, и его название могли возникнуть только в твоём, а никак не в моём сне. И ясное дело, я поняла, что это значит. Будь так любезна, прекрати посылать мне свои сны и красть у меня мои. Достаточно! Я тебе задам, когда вернусь...

И Георгина положила трубку. «Так, этот вопрос решен», – рассудила она и спросила у Кантемира:

– Когда ты поделишься со мной твоими знаниями? Как это, ты говорил, называется...

– Сперма?

– Да нет, ты же больше не потеешь, когда находишься рядом со мной. Я про другое. Про то, что по-латински и связано со стихами.

– Версификация?

– Да!

– Ну, это несложно. Правда, тебе придется запастись терпением, потому что сначала идет теоретическая часть, введение, и только потом практические занятия.

– Если ты собираешься учить меня сочинять стихи, то об этом не может быть и речи.

– Не собираюсь. Тебе не придется писать самой, возьмем в качестве примера стихи, созданные две с половиной тысячи лет назад. Их написала женщина. Она была красива и жила очень давно на одном дивном острове, который называется Лесбос.

– И звали ее Сапфо, – добавила Георгина, – видишь, я знаю.

– Она изобрела прекрасную строфу из четырех строк на греческом языке. Древние греки измеряли не только время и расстояние между Землей и другими небесными телами, они измеряли и продолжительность звучания слов. Именно это, последнее, было им важно для построения стихов. Они с равным мастерством строили и корабли, и стихи. За основу брали правильную смену долгих и кратких слогов.

– Кантемир, все это слишком запутанно. Если ты продолжишь, я снова засну и мы опоздаем в театр... Я ничего не понимаю из того, что ты говоришь.

– Ты все поймешь, просто еще немного потерпи... Гроздь из двух или трех фрагментов слов, то есть слогов, называются стопами. Такие стопы имеют свои имена, которые прекрасно звучат и по сей день: например, двухсложная стопа с одним долгим слогом и следующим за ним кратким, то есть с одним ударным и одним безударным, называлась «трохей», или «хорей».

– А какое слово звучит как трохей? Папа?

– Правильно. Идем дальше. Трехсложную стопу, которая содержит один долгий и два кратких удара, или один ударный и два безударных слога, они называли «дактиль».

– Кáнтемир!

– Ты отлично все схватываешь, видишь, это несложно... Сапфо из таких строк составила строфу, которая используется в поэзии до сих пор и носит ее имя...

Тут Георгина прервала лекцию, встала из-за стола и повела Кантемира в постель.

– У нас не так много времени, чтобы заниматься теорией, – заметила она.

– Ты права, – согласился он. – Сапфо проводила практические занятия и в постели.

И тут Кантемир продемонстрировал ей, что означает сапфическая строфа на практике: он начал с одного долгого, сильного удара, который, как показалось Георгине, проник до самого ее горла, после чего последовало одно короткое, неглубокое вхождение. Потом он повторил все еще раз.

– Итак, это были два трохея, – сказал он и продолжил одним мощным, глубоким проникновением, за которым последовали два коротких и комментарий, что это называется «дактиль».

– Это было хорошо, – прошептала она.

Потом снова последовали два трохея, и таким образом первая строка была доведена до конца. Все это повторилось еще два раза, в несколько более быстром темпе, а затем Кантемир прошептал:

– В конце следует строка, которая называется «адонийский стих».

Но тут Георгина выкрикнула:

– Быстро еще один дактиль! Они мне нравятся больше всего!

И он вошел в нее один раз медленно и глубоко, потом два раза быстро и, наконец, нанес ей жесткий и продолжительный удар, а за ним один мелкий. Так Георгина кончила, и одновременно закончилась сапфическая строфа.

– Теперь ты понимаешь, какое послание к нам содержится в стихах Сапфо?

– Да! Это ее советы о том, как заниматься любовью. Любовный урок с острова Лесбос. Прекрасный урок. Но эти стопы написал ты. Как это делала она, женщина?

На это Кантемир продекламировал:

Ты подобна яблоку, что, алея,
Манит взоры к самой высокой ветке,
Сладкий плод, оставленный на верхушке,
Всем недоступный...

– Кстати, – добавил он, – у Сапфо на острове было нечто вроде духовной школы. К ней приезжали девушки с окрестных островов получить образование, а потом возвращались домой, чтобы выйти замуж. Именно им предназначались уроки любви с острова Лесбос и эротические строфы Сапфо.

После этих слов Кантемир показал Георгине, как она может оседлать его, и она поскакала верхом на нем, следуя хореографии сапфической строфы. И Георгина, чье тело помнило урок лучше, чем она сама, с небольшими поправками, которые вносил Кантемир, исполнила целую строфу из Сапфо. Ее тело, возвышавшееся над Кантемиром, говорило на всех языках мира и сладко нашептывало древнее любовное послание:

poikilo-thron' athanat' Aphrodita
pai dios doloploka, lissomai se
me m'asaisi med' oniais damna
potnia thumon...¹

¹ ποικιλόθρον' αθανάτ' Αφρόδιτα παῖ Δίος δολόπλοκε λίσσομαι σεμή μ' άσαισι μηδ' ονίαισι δάμ ναλότνια θυμόν Радужно-престольная Афродита, Зевса дочь бессмертная, кознодейка! Сердца не круши мне тоской-кручиной! Сжалься, богиня! (Гимн Афродите. Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Немного утомленные, со взорами, обращенными внутрь, они снова смотрели в потолок, и снова Георгина задала неизбежный вопрос:

– Кантемир, что такое любовь?

– Любовь – это то, чем мы только что занимались. То, что часто заканчивается прежде, чем двое перестают любить друг друга. Когда они перестают любить друг друга, их любовь перестает часто кончаться...

И Кантемир расхохотался. Но Георгина не отступала:

– Мне нужен серьезный ответ. И я скажу тебе, что думаю сама. Разница между двумя женщинами может быть большей, чем между женщиной и мужчиной. От этой разницы зависит, родится или нет любовь в каждом конкретном случае...

Но Кантемир этих слов услышать не мог, потому что задремал, да и сама Георгина вскоре тоже заснула.

Ночь таяла над ними, зеленый дым поднимался сквозь тьму над домом Кантемира и плыл над рекой, куда-то на другой конец города, туда, где жили родители Георгины и ее младшая сестра Анджела. Когда два дыма смешались, Георгина пробудилась, вскрикнув:

– Эй, ты что делаешь? Ты спал и был во мне?! Разве такое возможно?

– Возможно, – ответил Кантемир. – Когда мужчина спит, его член чаще всего стоит. И если при этом находится в красивой женщине, как это сегодня случилось со мной, то ее дыхание приносит им самые дивные сновидения. Иногда они даже могут пережить во сне эякуляцию.

– Опять эта латынь! Переведи!

– Позже, сейчас у нас почти не осталось времени.

– Неужели мы опоздали? – воскликнула Георгина, но Кантемир ее успокоил:

– Пора возвращаться назад, в театр. Там как раз начинается пятое действие.

Они торопливо оделись и выскочили из особняка. Снаружи царил тишина, глубокая, как река По. Ступая по этой тишине, как по воде, они вернулись в театр. Пятое действие подходило к концу.

Когда аплодисменты в зале затихли и актеры вышли на поклон в последний раз, Георгина и Кантемир поспешили к выходу. Но Домазету они не нашли, хотя внимательно смотрели по сторонам. Наконец зрители разошлись, и они остались одни под огромной люстрой, которая начала постепенно гаснуть. В глубине фойе на банкетке сидела какая-то старуха с девочкой лет шести. Увидев их, она встала и направилась прямо к ним, ведя девочку за руку.

– Пойдем домой, мадемуазель Георгина? – спросила старуха.

– Кто вы такая? Где моя служанка Домазета?

– Неужели вы меня не узнали? – удивилась старуха. – Домазета – это я. Просто время сделало свое дело... А кто этот господин?

– Это мой муж Кантемир. Я хочу представить его маме и папе, так что он тоже пойдет с нами.

– Даже не знаю, как вы сможете это сделать. Ваша госпожа матушка уже шесть лет как умерла, а батюшка упокоился за несколько лет до нее. Она еще успела увидеть свою первую внучку, а вот господин ваш батюшка – нет.

– Какую внучку, о чем вы говорите?

– О Маловразице, вот об этой девочке рядом с нами. Это дочь вашей младшей сестры Анджелы.

Тут Маловразица пнула Георгину ногой в голень и сказала:

– Пошли, врунья, что стоишь! Могла бы и позвонить, чтоб мы так не волновались...

Волшебный источник

Действие происходит в Париже, в Бачке и в белградском доме Димитрия Перовича, Чернотгорская улица, 8

УНЫНИЕ, или ПРАЗДНОСТЬ, – следующий из семи смертных грехов. Данте помещает праздношатающихся в пятый круг ада, в неподвижные воды Стикса, а впавших в уныние – в «Чистилище». Художник Иероним Босх изображает пораженных ленью в виде буйволов. У Шагала на астрологической ладони с семью пальцами праздность символизирует первый из двух указательных пальцев. Он также соответствует одной из семи планет, а именно Меркурию. Следует иметь в виду, что Шагал считает справа налево.

I. Паваротти

Это было в то время, когда мой предпоследний учебный год в парижской Школе изящных искусств приближался к концу. Я жил на Фий-дю-Кальвер, в третьем округе, в Маре. Каждое утро я спускался к Сене, проходя мимо прекрасной уличной купальни для собак, расположенной на углу, возле рынка, потом шел вдоль музея Пикассо и, наконец, оказывался на Вьей-дю-Тампль – так называлось продолжение моей улицы. Однажды, ближе к вечеру, я возвращался с прогулки и чуть было не наткнулся на огромного человека, бородача в черном костюме. Оказалось, что это выпиленный из фанеры силуэт, на который наклеили цветную фотографию и поставили для привлечения покупателей рядом с музыкальным магазином. Паваротти в натуральную величину, с улыбкой героя мультипликационного фильма.

И тогда, просто от нечего делать, я впервые задал себе вопрос, почему он нравится мне больше всех остальных современных оперных певцов. Эти мысли оказались искрой, воспламенившей запал взрывного устройства. Во мне проснулся музыкант из моей молодости. А где-то далеко, в доме на Балканах, на огромном расстоянии от моих пальцев загудела скрипка, сделанная в 1862 году в Санкт-Пёльтене маэстро Эвстахием Штоссом, скрипка, под звуки которой проходили годы моей учебы в консерватории.

Я ощущал знакомый зуд в пальцах всякий раз, когда покупал, крал или одалживал записи арий в исполнении Паваротти и опер, в которых он был занят, диски с его сольными выступлениями и книги, которые о нем были написаны. «Риголетто», партия Тонио с верхним *до*, Радамес в «Аиде», знаменитые телевизионные концерты с двумя другими тенорами, дуэты с рок-исполнителями, обе его автобиографии и так далее и тому подобное, – я собрал целую гору материала. И однажды сел и начал прослушивать накопившиеся у меня музыкальные записи. Я принял решение, двигаясь шаг за шагом, определить, в чем же состоит притягательная сила Паваротти, действие которой испытал не я один, его испытало все человечество XX века, в котором я жил. Я слушал день за днем, месяц за месяцем. Понемногу, вопреки своей воле, преодолевая сопротивление, я возвращался в свое музыкальное прошлое и превращался из художника в музыканта, которым не был уже многие годы. И не так уж важно, были ли характерными и показательными для его вокального творчества и карьеры те музыкальные произведения, на которые я опирался в своих умозаключениях. Не важно, было ли то «the best of Pavarotti». Важно, чтобы в них (наверняка, впрочем, как и в других) содержался ответ на изначально поставленный вопрос: почему именно Паваротти? Почему не кто-то другой?

Мое исследование было в какой-то степени злорадной попыткой бывшего музыканта, а ныне художника разоблачить тайны того ремесла, которое когда-то было общим полем нашей совместной деятельности. Или хотя бы мысленно представить себе, как он овладел этими тайнами и потом, сознательно или подсознательно, околдовывал людей своим бельканто.

Так как мой собственный жизненный опыт был связан с инструментальной музыкой, я считал себя вправе рассматривать вокальное мастерство Паваротти именно под этим углом зрения. К тому же я был уверен, что Паваротти в совершенстве изучил различные области музыки и пользуется опытом, секретами и трюками самых разных исполнителей, что, кстати, нетрудно заметить, слушая его пение. Другими словами, я спросил себя, а что если в то время, когда он брал частные уроки в Мантуе или даже раньше, в родной Модене, кто-то открыл ему нечто относящееся к тайной музыкальной традиции Средиземноморья? Или он взрастил в себе возродившиеся музыкальные гены той области, где родился и вырос? Но пока он поет, глядя на нас сквозь свою черную бороду, мы пойдем по порядку.

Верди. Риголетто

Одна из особенностей Паваротти, которая моментально обращает на себя внимание, – это его бельканто невероятной легкости и чистоты, поднимающееся до высочайших тонов без всякого насилия над голосом. Как он этого достигает? Я, конечно, сразу же вспомнил, как это делается в мире инструментальной музыки, то есть в моей узкой области. Правда, сам я узнал об этом почти случайно, ведь человека, учившего меня игре на скрипке, можно было назвать кем угодно, но только не педагогом. Это был несостоявшийся виртуоз-исполнитель, постигший тайны ремесла, недоступные другим консерваторским преподавателям. Например, когда я уже знал наизусть концерт Макса Бруха для скрипки с оркестром, он поставил на мой пюпитр какой-то роман Тургенева и потребовал, чтобы я, играя по памяти, читал его про себя. Техника пальцев отделялась от сознания, и возникала легкость, не зависящая от чего бы то ни было рационального. Рациональная энергия уходила в другом направлении, а книга выполняла роль громоотвода. Предполагаю, что и Паваротти достигает легкости подобным упражнением. Подобным, но все же несколько иным, ведь он пользуется голосом, а не смычком.

Я подумал, что его дар может быть сублимацией какого-то многовекового опыта. Известно, что в монастырях на Афоне, а возможно и на Итало-Критской территории, использовалась гамма не из восьми тонов, а из гораздо большего числа звуковых нюансов. Святогорская литургия имела более сложное звучание, которое нельзя записать с помощью современной нотной системы, основанной на октаве. Ведь на нотной лестнице Афона размещалась целая греческая азбука, то есть примерно двадцать буквенных знаков.

На практике это означало, что каждое написанное слово могло быть пропето, то есть прочитано, с помощью нотной системы, иными словами, имело свою звуковую формулу, никак не связанную с фонетической. Например, если предположить, что буквы азбуки последовательно распределены от самого низкого до самого высокого звука нашей восьмитоновой гаммы с пятью полутонами, то слово «аминь» имеет следующий звуковой образ:

до – ля – соль# – си

Таким способом можно было пропеть какие-нибудь сообщения или имена, превращенные в условный знак или пароль, понятный тому, кто может их расшифровать. Певец посредством пения мог произнести какое-нибудь женское имя. Я думаю, что Паваротти каким-то образом соприкоснулся с этой практикой шифрования при помощи музыкального кода и благодаря ей приобрел свою удивительную легкость, ведь он научился мыслить одновременно на двух музыкальных уровнях.

Знаменитые телевизионные концерты трех теноров в Риме (1990) и Лос-Анджелесе (1994)

Выступление Паваротти на этих концертах вместе с Карерасом и Доминго показало очевидную разницу между Паваротти и двумя другими певцами. В чем она проявилась? С первого взгляда было абсолютно ясно, что двое других форсируют и чуть ли не насилуют собственный голос, чего никак нельзя было сказать о Паваротти. В чем причина? Испанской школе свойственны более резкие голоса, чем итальянской? Не знаю. Но я мог бы, преодолевая сомнения и неловкость, поделиться опытом из моей музыкальной практики, приобретенным уже после того, как я оставил скрипку. Речь идет о так называемой «сладкой слюне».

В одно время со мной в консерватории учился цыган Попаз, пухлый красавчик, у которого пробор начинался сразу над бровью и который, стоило ему открыть глаза, видел свою левую щеку, деформированную постоянно подпиравшей ее скрипкой. Женщины влюблялись

в него и в его музыку, а мы – в его музыку и во влюбленных в него женщин. Как только весной устанавливалась хорошая погода, он исчезал: играя на цыганских свадьбах, добирался до самой Трансильвании и возвращался, чтобы сдать экзамены после двух месяцев сплошного похмелья. Но даже в таком жалком состоянии он любого из нас мог, словно смычок, заткнуть за пояс. У него была любовница с отделения вокала, и я помню, как однажды он сказал ей:

– Ничего у тебя не выйдет, малышка, твоя слюна для певицы не годится. У настоящих певиц слюна особого рода, и они, когда поют, чувствуют ее сладость, хотя при поцелуе их партнеры этой сладости не ощущают. И это, радость моя, слышно, как только они открывают рот. Вдох и выдох певца зависят от этой волшебной слюны. И получить ее можно от Бога или от питья чая из травы иссоп, а еще можно заразиться ею, если долго целоваться с тем, у кого она есть. Выбирай сама.

– Ты кого-нибудь знаешь с такой слюной? – спросила девушка своего возлюбленного.

– Знаю, – сказал он, – но это женщина. Не думаю, что она захочет с тобой миловаться. Она любит мужчин, а ты не молохоя – египетская приправа из рубленой зелени, от которой кончают ушами, – чтобы она стала тебя смаковать...

Пусть тот, кто читает эти строки, не думает, что Паваротти обязательно должен был открыть какую-то волшебную тайну «сладкой слюны», без которой нет настоящего пения. Она могла достаться ему от Бога, по наследству, или он мог заразиться ею, на наше и свое счастье, даже не заметив, как это случилось. Но несомненно, что различие между ним и другими певцами заключается, кроме всего прочего, и в этой тайне. В тайне состава слюны. Это особенно хорошо заметно, когда он поет в дуэтах или трио. Короче говоря, во рту у Паваротти много хорошо оплодотворенной слюны, и это слышно, как только он открывает рот.

Тонио и верхнее *do*

Слушая «трудные» арии Паваротти, я думал, что у него есть нечто вроде параллельной нотной, или, лучше сказать, резервной эмотивной системы. Словно его голос содержит «посторонние шумы». Таким термином в инструментальной музыке обозначают нежелательные и сопутствующие акустические явления, производимые материалом, из которого сделан инструмент. Обычно, слушая музыку, на них не обращают внимания. Мы, например, не слышим (вернее, не слушаем), как, скользя по струнам музыкального инструмента, скрипит конский волос, натянутый на смычок, не обращаем внимания на разницу звучания металлической струны и струны, сделанной из жилы, и так далее. Я подумал, что Паваротти создает некое подобие вокальных шумов, и, когда он поет, мы слышим еще что-то или, точнее, кого-то. Словно во время пения в него вдруг вселяется какой-нибудь тенор прошлых лет, но не из двадцатого века, как Карузо, а из начала девятнадцатого. А еще более вероятно, что он становится реинкарнацией бельканто какой-нибудь певицы, например Анжелики Каталани.

Высокие регистры строятся таким образом, что напрашивается сравнение с возведением звукового здания. Известны рассказы о русских певцах с Дона, где рождаются с поставленными от природы голосами, уже как бы прошедшими школу, такими, для приобретения которых в других местах приходится затрачивать годы и годы учебы. Относится ли это и к Паваротти? Я бы снова оттолкнулся от собственного музыкального опыта, то есть от инструментальной музыки. Здесь иногда, например у струнных, встречается своего рода асимметрия. Инструменты настраивают слева направо, начиная с самой толстой и кончая самой тонкой струной. Паваротти знает эту особенность и использует ее. Голос Паваротти асимметричен, как асимметрична его улыбка. Для него это вполне естественно. Порой даже кажется, что его голос, говоря условно, имеет левый и правый профиль. Может быть, это восходит к той технике, к которой прибегали в старые времена, обучая пению кастратов. Как бы то ни было, при взятии высоких нот вокальная асимметрия оставляет место для маневра. В нужный момент певец

вдруг отказывается от старательно выстроенной асимметричности своего звукового здания и устремляет энергию голоса к симметричности, словно стрелу выпуская ее прямо к верхнему *до*, туда, где нет места для «левого» и «правого» профиля бельканто. Теперь это уже не романская церковь, видимая сбоку, это кампанила, вертикаль готического собора, пронзающая небо над вами. Это нечто вроде этического качества музыки.

Это нечто, о чем сказано: «В своей душе он не нашел места для себя, ибо места там хватило для всего, кроме нее самой».

* * *

Когда я написал последние слова о Паваротти, музыкальный мыльный пузырь лопнул, и я снова оказался в грубой реальности, среди художников. Я был голоден как никогда. Мне пришлось, хлопая ушами, покинуть Париж, не закончив учебу и без гроша в кармане. Я возвращался домой, в Бачку, в надежде хоть как-то заработать на кусок хлеба.

II. Бачка

– Я не умею смеяться по-городскому, только до правого уха, но все-таки мне хотелось бы уехать в город. Там хороший базар и там можно выгодно продать иконы, – объяснял я незнакомцу, который держал в руке лист бумаги. То, что я говорил, было правдой: через мое уродливое лицо тянулась какая-то фальшивая улыбка. Но и это еще не все. К этому неприглядному лицу, из-за которого меня прозвали Фома Безобразный, прилагалось и тело, казавшееся странным как мужскому, так и женскому взгляду, потому что с этим телом что-то было не так. Некоторые люди говорили, что на самом деле именно красота моего тела мешала им как следует рассмотреть меня.

От нас обоих воняло – от меня столярным клеем и олифой, а от человека рядом со мной плесенью подвала, в котором он ночевал. Дело было на ярмарке в Бачке. Мы торговались. У него была страница, выдранная из одной ветхой книги с какого-то сомборского чердака, на ней изображалась Богородица рядом с «животворящим источником благодати», и он, понимая, что для меня это бесценный образец, предлагал мне ее купить. Чтобы уговорить меня, он указывал и на подпись под миниатюрой, из которой следовало, что этот чудотворный источник изобразил в 1744 году Христофор Жефарович².

– Есть у меня и зеркало, на котором ты можешь написать источник, – добавил он и показал чудесное, почти неповрежденное хрустальное зеркало с отшлифованными краями.

Глаза у меня сверкнули и тут же погасли. Я улыбнулся, продемонстрировав, что действительно не умею смеяться по-городскому.

– Ты его украл, – сказал я ему, – нельзя писать Богородицу на краденом, – и отказался от зеркала. Но вырванный из книги лист взял и взамен предложил ему нечто такое, что, как я подумал, он не отвергнет. Я предложил ему год жизни.

– Откуда у тебя год моей жизни? – удивился он.

– Бог найдет то, что потеряно. Представь себе покрытый галькой берег Мориша. Повсюду разбросаны разноцветные камешки. Это жизнь. Но ты среди них можешь углядеть только синеватые или желтые камни. Остальные для тебя не существуют. Мы, живописцы, можем распознавать и те цвета, которые не видят другие люди. Кроме того, хорошо известно, что живописцы, все без исключения, живут очень долго. А это объясняет одна тайна. Я открою тебе эту тайну за рисунок с Богородицей и источником, дарующим жизнь. Один источник жизни в обмен на другой.

– Рассказывай, – потребовал он, продолжая, однако, держать бумагу в руках. Хотел сначала узнать тайну.

Тогда я начал:

– Твой сон, дорогой мой, похож на реку, которая течет только ночью, когда ты спишь. В конце жизни эта река вольется в море всех снов вселенной, в море, которое ждет ее у устья, в месте ее впадения. И вот тут-то ты и должен подстеречь момент, когда во время твоего сна все прочие сны замирают. Потому что человеческие сны по ночам иногда замирают. Сон в эти моменты подобен спокойной стоячей воде, и ты можешь научиться плыть вверх по его течению. Таким образом, каждую ночь можно понемногу подниматься против течения своих снов к их источнику и так сберечь немного времени. И в конце концов у тебя окажется на год или два больше, чем ты прожил бы, не зная тайны...

Услышав этакие речи, он так разинул рот, что, может, и до сих пор ему не удалось его закрыть, но лист с картинкой мне все же не отдал. Вместо этого он достал из своего мешка

² Христофор Жефарович (1690–1753) – сербско-болгарский иконописец и гравер.

кучу шахматных фигур из обожженной глины и попросил, чтобы я покрасил их в черный и белый цвет.

Пока я их красил, он мне сказал:

– Если обратить на это внимание и хорошо натренироваться, можно заметить, что собственные воспоминания имеют вес. И у разных воспоминаний он разный. Те, что тяжелее, старше тебя, и принадлежат они одной из твоих прежних жизней. Так вот, понимаешь, эти наши предыдущие жизни напоминают шахматы в шахматах.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я, продолжая раскрашивать фигуры.

– Все очень просто. Вот ты красишь фигуры и потом сможешь сыграть ими партию в шахматы. Когда ты играешь, ты делаешь ходы. Но ты можешь воспринимать это и как игру в шахматы, и как собственную жизнь, ты можешь представить себе кого-то, кто делает ходы, переставляя тебя с одного поля на другое. И того, кто может тебя съесть. Но и тот, кто тебя передвигает, и тот, кто может тебя съесть, сам тоже будет съеден. Его съест кто-то, кто придумывает ходы... И так до бесконечности. Это и есть реинкарнация... А теперь отломи голову у той фигуры, которую ты покрасил первой и которая уже высохла, и ты найдешь внутри нее другую, меньшего размера. И ее тоже нужно покрасить. Они словно русские матрешки или словно твои предыдущие жизни: более старые заключают в себя тех, что помоложе, и так до бесконечности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.